

— Хороший человек?

Услышав такое, Пэй Чжао от неожиданности даже усмехнулся.

Никто и никогда не отзывался о нём подобным образом. Тех, кто его ненавидел, было не счесть, а проклинавших — и того больше. Братоубийца, жестокий тиран, коварный и беспощадный деспот, недостойный престола, святотатец, которому суждено сгинуть молодым... Уши уже горели от этих обвинений. Но услышать, что он «хороший»? Такое с ним бывало впервые.

Даже самые верные сановники не посмели бы произнести нечто подобное.

Глядя на мягкое, юное лицо Нин Ли, Пэй Чжао лишь мысленно покачал головой.

Однако Нин Ли чутко уловил его сомнение и сразу же спросил:

— Синчжи, разве я не прав?

Пэй Чжао мысленно усмехнулся. В представлении этого юноши хорошими, верно, казались все вокруг. И становиться одним из этой безликой толпы Пэй Чжао не собирался.

— Нет, — мягко ответил он.

Но Нин Ли не сдавался:

— Тебе не нравится. По лицу вижу: ты считаешь, что я говорю глупости, и это тебе не по душе.

Пэй Чжао смирился с его упрямством:

— Ну хорошо. Тогда объясни мне: кто же в твоём понимании истинный злодей, в ком нет ни капли хорошего?

Нин Ли отозвался без малейших колебаний:

— Как кто? Государственный наставник Западного Фаня, Поло Цзюэхуэй. Вот уж в ком точно нет ничего хорошего.

Пэй Чжао ожидал услышать совсем другое имя — он уже приготовился к тому, что юноша назовёт Ши Яньму, и никак не предвидел столь неожиданного поворота. Государственный наставник Западного Фаня не ступал на земли Великой Юн добрых двадцать лет. С чего бы Нин Ли рассуждать о нём?

Впрочем, Пэй Чжао тут же вспомнил тайные донесения, скопившиеся за последние дни на его рабочем столе. Наследный принц Нин близко сошёлся с наследником клана Ян из Сюйчжоу, Ян Цинли; они подолгу беседовали и часто гуляли вместе. А в день их первой встречи рассказчик в чайном доме как раз вещал о битве при Дафэйчуани — о том, как самонадеянный Поло Цзюэхуэй переоценил свои силы и потерпел позорное, сокрушительное поражение.

Великую Юн и Западный Фань вечно разделяли раздоры, а на рубежах то и дело вспыхивали стычки. Поло Цзюэхуэй, будучи государственным наставником вражеской стороны, сначала затаил злобу, а затем принялся раздувать пламя новой вражды. Едва ли в Великой Юн нашёлся бы хоть один человек, готовый сказать о нём доброе слово. Так что горячность Нин Ли, вполне естественная для его возраста, нисколько не удивляла.

— Почему же?

— Да потому что он хитрый и изворотливый старый лис! Засел тогда на снежной равнине, решив, что раз пробился на ступень Проникновения в Мелочи, то поймал бога за бороду! — фыркнул Нин Ли. — Возомнил, будто одним махом перешагнул на ступень Отсутствия Заблуждений и заделался великим мастером! Размечтался, жалкий старик, разом отыграться за все былые унижения!

— Рассказываешь так, будто сам всё видел.

— А как же! — Нин Ли уверенно кивнул. — Я ни слова не выдумал!

«Просто ребёнок», — ласково подумал Пэй Чжао. Чистая, наивная душа: наслушался уличных баек и теперь горит праведным гневом.

В своё время Поло Цзюэхуэй действительно заманил в ловушку среди снегов владыку города Байди, Ли Гуаньлани, бросив ему вызов. Но пускай уличные сказки в общих чертах и походили на правду, изнутри всё выглядело куда сложнее. В народе верили, будто Ли Гуаньлань в те дни преспокойно удил рыбу на Северном море. Доля правды в этом была, но рыбачил он под присмотром другого великого мастера. Точнее сказать, этот мастер его там и удерживал.

Явить себя миру на заснеженной равнине владыка Байди физически не мог.

Поло Цзюэхуэй разыграл беспробитную партию, на которую никто не должен был ответить.

И если бы в тот роковой миг на небосводе боевых искусств внезапно не взошла звезда Дунцзюня, коварный замысел чужеземца увенчался бы успехом.

Так что с этой стороны Нин Ли рассудил верно. Стерпев некогда унижение в Цзянье, Поло Цзюэхуэй затаил смертельную обиду и просто выжидал мгновения для удара.

Редкостный подлец, мстительный и изворотливый.

Пэй Чжао согласно кивнул:

— Твоя правда. Он действительно первостатейный негодяй.

И добавил:

— Ну а Ши Яньму?

Нин Ли не ожидал, что разговор вернётся к этому господину, но удивляться не стал — в конце концов, с его имени всё сегодня и началось.

— Он просто глупец, — отрезал Нин Ли.

«Глупец?» — Пэй Чжао тихо рассмеялся.

Нин Ли озадаченно приподнял брови:

— Синчжи, разве я опять сморозил глупость?

— Ничуть, — покачал головой Пэй Чжао. — Просто наши мнения совпали.

Сам он уже давно наложил на Ши Яньму клеймо непроходимого болвана.

— Я-то полагал, ты сочтёшь его негодяем.

— Каким там негодяем? Обыкновенный дурак, — со всей серьёзностью возразил Нин Ли. — Дожить до его лет и топтаться на начальной ступени Созерцания? Будь я его учителем боевых искусств, я бы со стыда сгорел.

Нин Ли говорил абсолютно искренне, но заметил, что Пэй Чжао едва сдерживает улыбку. Юноша тут же сердито насупился.

— Ты абсолютно прав, он круглый дурак, — поспешно согласился Пэй Чжао, спеша сменить тему, и пододвинул к нему тарелку со свежими пирожками с финиковой начинкой под нежным молочным суфле.

Нин Ли откусил крошечный кусочек. Ел он на редкость изящно и неторопливо.

Глядя на него, Пэй Чжао лишь беззвучно вздыхал. Оба они сошлись во мнении, что Ши Яньму непроходимо глуп, вот только исходили из совершенно разных соображений. Выводы совпали, но логика Нин Ли просто поражала...

Его взор скользнул ниже и замер на тонких пальцах юноши. Белые, гладкие, словно из застывшего молока, они не знали тяжёлой работы, и на нежной коже не виднелось ни единой мозоли от рукояти меча.

Нин Ли клеймил Ши Яньму за жалкую начальную ступень Созерцания. Вот только сам-то он — хрупкий, изнеженный, явно не знавший суровых тренировок — едва ли перешагнул порог той же ступени, лишь слегка приблизившись к её вершине!

Пэй Чжао как бы невзначай спросил:

— Ниннин, а сам ты занимался боевыми искусствами?

Юноша с готовностью закивал:

— Разумеется!

Этого ответа и следовало ожидать. В Великой Юн воинские искусства почитались повсеместно, а уж в Шачжоу с его суровыми нравами и подавно. То, что Нин Ли обучался у мастеров, было делом разумеющимся, странно было бы обратное.

— И как успехи?

Лицо Нин Ли озарилось неподдельной гордостью:

— Учитель говорил, что у меня исключительный дар! Твердил, что за всю свою жизнь не встречал никого, кто мог бы со мной сравниться!

Пэй Чжао промолчал.

«Семнадцать лет учебы — и всё ради того, чтобы еле-еле удерживаться на ступени Созерцания?»

Глядя в эти ясные, сияющие глаза, Пэй Чжао не нашёл в себе сил развеять сладкие иллюзии юноши. Но тот смотрел на него с таким неприкрытым ожиданием похвалы, что оставалось лишь пойти на хитрость.

— Твоя живость и очарование, Ниннин, уж точно не знают равных в Поднебесной, — ласково

произнёс Пэй Чжао, уходя от опасной темы. — Таких, как ты, мне тоже ещё не доводилось встречать.

<http://bllate.org/book/20087/2001853>